

Буря

В ночь, когда разразилась буря, наш дом, как и многие дома в деревне, пострадал, но именно благодаря этому и случилось то, что случилось. Мне в ту пору было восемнадцать, а моему брату Филиппу двадцать три, и в последующие годы я не раз с волнением вспоминала о сделанном в ту ночь открытии и размышляла о том, как сложилась бы наша жизнь, если бы не буря.

Началась она после периода невыносимой жары, одной из самых сильных в истории, когда температура доходила до девяноста градусов и выше¹ и погода стала чуть ли не единственной темой для разговоров. Это пекло убило двух пожилых людей и одного маленького ребенка; прихожане в церквях молились о прохладе; девяностолетняя миссис Терри, которая после легкомысленной юности и далеко не добродетельной зрелости в семьдесят с лишним лет сделалась весьма религиозной особой, заявила, что Господь Бог решил покарать Англию в целом и Литтл Стэнтон вместе с Грэйт Стэнтонем в частности, уморив скот, иссушив ручьи и не дав достаточно

¹ Под 40° по Цельсию. (Здесь и далее примеч. пер.)

влаги для урожая. Близился Судный день, и в ночь бури даже самые скептически настроенные из нас начали подумывать о том, что миссис Терри, возможно, в чем-то права.

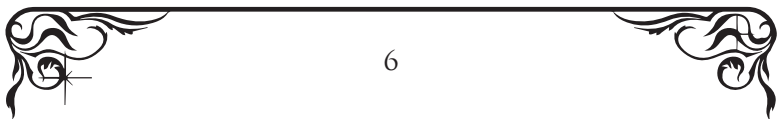
Всю свою жизнь я прожила в старой тюдоровской усадьбе в районе, называемом Грин, где всем заправляла бабушка М. Буква «М» заменяла Мэллори, нашу родовую фамилию, и бабушкой М ее называли, чтобы отличать от бабушки К (бабушки Крессет), ибо со смертью моей матери, которая совпала с моим рождением, Война бабушек уже началась.

«Они обе хотели нас», — серьезно, совсем как взрослый, говорил Филипп, когда мне было четыре, а ему целых девять, и мы чувствовали себя очень важными оттого, что нас так сильно хотели.

Филипп рассказал мне, что бабушка К предложила нас разделить: она заберет кого-то одного, а бабушка М — другого, будто мы были двумя полосами земли, за которые бились генералы. Еще долго после того я относилась к бабушке К с недоверием, потому что самым важным человеком в моей жизни был Филипп. Он всегда был рядом, мой старший брат, мой защитник, самый лучший и самый умный, проживший на пять славных лет больше меня и потому на пять лет опытнее. Бывало, мы ссорились, но разногласия эти только помогали мне еще лучше понять, насколько он важен для меня, потому что, когда он сердился, на душе у меня всегда скребли кошки.

К счастью, предложение нас разъединить вызвало гнев бабушки М.

«Разлучить их? Ни за что!» Издав этот боевой клич, она прямо заявила, что, как бабушка по отцовской линии, имеет больше прав распоряжаться нашей судьбой. В итоге бабушка К потерпела поражение и вынуждена была согласиться на компромисс: раз в год, на летних каникулах, нам разрешалось ненадолго приезжать к ней домой, в Чешир. Кроме того, она получила право время от времени навещать нас, дарить мне

платья и матросские костюмчики Филиппу, колготы и варежки нам обоим, делать подарки на Рождество и дни рождения.

Когда мне было десять, у бабушки К случился удар, и она умерла.

«В хорошенькое положение она бы нас поставила, будь у нее свои дети», — как-то заметила бабушка М в случайно подслушанном мною разговоре с Бенджаминем Даркином. Старик Бенджамин был одним из немногих, кто разговаривал с бабушкой М на равных. Он мог это себе позволить, поскольку работал в мастерской с двенадцати лет и знал об изготовлении карт больше, чем любой из ныне живущих людей. По крайней мере так говорила бабушка М.

«Эту женщину нельзя винить за дела Божьи, миссис Мэллори», — ответил он тогда не без упрека в голосе; и, возможно, из-за того, что он был Бенджаминем Даркином, бабушка М не стала спорить.

В Литтл Стэнтоне бабушка М держалась как настоящая помещица, а выбираясь в Грэйт Стэнтон, что происходило в то время ежедневно, она ехала на карете с кучером Джоном Бартоном на козлах и маленьким Томом Терри, который был потомком той самой почти столетней предвестницы несчастий, ныне добродетельной миссис Терри, на запятках.

Филипп лет в восемнадцать, когда он, по моему глубокому убеждению, был умнейшим человеком на всем белом свете, как-то сказал, что люди, которые «добиваются», чаще гораздо больше ценят хорошее в жизни, чем те, кто имеет все от рождения. Этим он намекал на то, что бабушка М родилась не в семье помещиков. Она попросту вышла замуж за дедушку М, благодаря чему и стала одной из Мэллори, которые жили в усадьбе с тех пор, как она была построена в 1573 году. Год мы знали точно, потому что он был выбит на каменной стене над парадной дверью. Однако не существовало Мэллори с большим чувством собственного достоинства, чем бабушка М.

Дедушку М я не знала. Он умер еще до того, как началась Великая битва бабушек.

Деревней бабушка М управляла так же успешно и властно, как и своим домашним хозяйством. Она неизменно возглавляла праздники и ярмарки, поддерживала в форме нашего тишайшего приходского священника и его простоватую жену. Она следила за тем, чтобы люди не пропускали утренние и вечерние службы, а на тот случай, если какие-то неотложные дела этому мешали, составляла специальное расписание, по которому каждый, пропустивший одно воскресенье, должен был обязательно явиться в церковь на следующее. Не стоит и говорить, что мы с Филиппом не пропустили ни одной службы. Каждое воскресенье мы степенно, как и полагается идущим в церковь, шествовали по обе стороны от бабушки М через весь Грин от усадьбы до церкви, чтобы занять свои места на скамье Мэллори рядом с витражом, изображавшим Христа в Гефсиманском саду, подаренным церкви одним из наших предков в 1632 году.

Однако больше всего внимания бабушка М уделяла мастерской. Для помещиков было необычным делом заниматься коммерцией и проводить столько времени в какой-то мастерской, но это была не обычная мастерская.

Это был храм, воплощение славы Мэллори былых времен, ибо Мэллори являлись великими путешественниками и исследователями земли. Они преданно служили своей стране со времен королевы Елизаветы, и бабушка М была убеждена, что страна эта никогда не стала бы великой морской державой без помощи Мэллори.

Один из Мэллори плавал с Фрэнсисом Дрейком. В семнадцатом веке у них было не меньше приключений, но с одним большим отличием. Мэллори отправлялись в плавания не для того, чтобы захватывать корабли врагов, испанцев и голландцев, нет, в путь их гнало непреодолимое желание нане-

сти на карту весь мир, и в первую очередь, самые отдаленные его уголки.

Они, говаривала бабушка М, определили развитие мировой истории, а не только истории Англии. Они упростили навигацию сотням, да что там сотням — тысячам великих путешественников по всему свету. Помощь, которую оказали составленные Мэллори географические карты этим бесстрашным мореплавателям, да и не только мореплавателям, но и землепроходцам, неоценима.

Мастерская находилась на главной улице Грэйт Стэнтон и занимала старинное трехэтажное здание с двумя эркерами на первом этаже по бокам от каменной лестницы, ведущей к парадной двери.

Позади мастерской, с другой стороны двора, располагалось другое здание, в котором размещались три паровые машины. Туда нам позволялось ходить только в сопровождении кого-то из взрослых. Меня эти машины не особенно привлекали, но у Филиппа всегда вызывали жгучий интерес.

В одном из эркеров стоял большой глобус, раскрашенный в восхитительные синие, розовые и зеленые цвета, которые в детстве меня завораживали. Когда я была маленькой и приходила в мастерскую с бабушкой М, Бенджамин Даркин показывал мне похожий глобус, стоявший в гостиной. Он вращал его, обращая мое внимание на огромные синие моря, разноцветные материки, их границы и не забывая отмечать островки розового — британские владения. Мне представлялось, что глобус этот изготовлен славными Мэллори прошлого, которые избрали благородную профессию изготовления карт, указывающих путешественникам путь.

У Филиппа посещение мастерской вызывало не меньший восторг, чем у меня, и мы часто об этом разговаривали. В нашей классной комнате хранились карты, и когда бабушка М заходила туда, она всегда начинала задавать нам разные вопросы

